

ЭМИЛИЯ ФИТКОВСКАЯ

НЕБЕСНОЕ
СЛУЖЕНИЕ

ДЕВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Эмилия Витковская

Небесное служение. Дева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61068683

SelfPub; 2020

Аннотация

Я ушла в монастырь, чтобы узнать правду. Но я обнаружила гораздо больше. Тьма соблазняет меня, тянет вниз. Все, о чем я могу думать, это он – Адам Монро, сын Пророка, темный принц империи, которая растет с каждым днем. Ему поручено защитить меня от волков внешнего мира. Но чем дольше я остаюсь в монастыре, тем больше понимаю, что волки уже внутри, под контролем Пророка. Если Адам узнает настоящую причину, по которой я здесь, он вместе с остальными возьмет мою кровь. А до тех пор я буду Далилой, послушной служанкой Пророка днем и Девой Адама ночью. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	22
Глава 4	31
Глава 5	37
Глава 6	50
Глава 7	61
Глава 8	68
Глава 9	72
Глава 10	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

Далила.

От шеи до пяток меня покрывает прозрачная белая ткань. Я не отрываю глаз от грязной тропы впереди, пока двигаюсь в темноте, моя тонкая рубашка – маяк в ночи, делающий меня легкой добычей для всякого рода хищников. Я стараюсь не дрожать. Размеренная ходьба становится моим миром, моей единственной целью. Один шаг, потом следующий.

Я не могу думать о потрескивающих ветвях, шагах сквозь хрустящие листья, тихом пении, плывущем в холодном воздухе, и о женщинах впереди и позади меня. Нет. Только мои собственные шаги. Замерзшая земля под моими босыми ногами. Тропа, которая уводит меня все глубже и глубже в лес.

Мы продолжаем двигаться вперед. Мы хотим, чтобы нас сковал, владел, двигал только дух нашего Бога. И наш Бог помазал одного на земле, чтобы воплотить Его добрую волю. Пророк Леон Монро.

Когда я подхожу к костра, оранжевые языки пламени мерцают над моими грязными ногами и поднимаются вверх, играя на мягкой ткани моей ночной рубашки. Хотя я одета, но я голая. Я вхожу в круг людей, одетых в белые брюки и рубашки – святые люди, подобранные лично Пророком.

Я следую за девушкой впереди меня, пока все мы не вы-

страиваемся в круг, зажатый между огнем и мужчинами снаружи. Это новый круг ада, обещающий мучительный ожог, куда бы я ни пошла.

Женщина в черном протягивает каждой из нас небольшой кувшин с водой. Я склонила голову, я не смотрю ей в глаза, когда она приближается. Но я уже знаю, кто она. Рахиль – первая жена Пророка. Ее хромота выдает ее. Я беру кувшин, его вес скрывает дрожь в моих руках.

Сильный голос заглушает пение:

– Мы благодарим Бога за эту щедрость.

– Аминь, – хором отвечают мужчины.

– Мы помним Его заповедь «Плодитесь и умножайтесь».

В знак нашего послушания Его воле мы берем этих девушек под свою опеку, свою защиту. Мы также берем их в свои сердца, чтобы лелеять их, как будто они нашей крови.

– Аминь.

Его голос становится громче:

– Как Ревекка была призвана Господом выйти замуж за сына Авраама, так и эти девушки были призваны служить благочестивым людям, собравшимся здесь сегодня вечером.

Передо мной останавливается пара тяжелых ботинок. Легкое прикосновение к подбородку заставляет меня поднять голову, и я встречаюсь взглядом с парой темных глаз. Пророк всматривается в мою душу.

– Ты помнишь сказку о Ревекке, сестра?

– Да, Пророк.

– Я уверен, что такое дитя Божье, как ты, знает все истории из Библии. – Он улыбается, его белые зубы блестят, как у скелета.

– Да, Пророк.

– Женщина была очень красивой, девственницей; ни один мужчина никогда с ней не спал. Спустилась к источнику, наполнила кувшин и снова поднялась.

– А что потом случилось с Ревеккой?

– Ее забрал слуга Авраама.

– Это правильно. – Он наклоняется ближе, его взгляд проникает в мой.

Меня охватывает дрожь. Он смотрит на мою грудь, ухмылка скручивает уголки его губ, когда он видит мои твердые соски сквозь прозрачную ткань.

Он отпускает мой подбородок и отступает, продолжая свой круг, рассказывая о судьбе Ребекки. Я украдкой смотрю на человека, стоящего напротив меня. Светлые волосы, голубые глаза, спокойное выражение лица – младший сын Пророка. Меня охватывает что-то вроде облегчения. Было бы не так уж плохо стать послушницей монастыря Ноа Монро. По слухам, он был добрым и даже нежным. Я позволила своему взгляду скользнуть по мужчине, стоящему слева от него. Темные волосы, еще более темные глаза и ухмылка, как у его отца, когда он смотрит на меня – Адам Монро. Я опускаю взгляд и молча жалею Деву справа от меня.

– Мы будем держать вас в безопасности. Вдали от мон-

стров этого мира, которые попытаются использовать вас, чтобы разрушить невинное совершенство, которым обладает каждый из вас. Вспомните историю Дины: «Когда Сихем, сын Хамора Хивитянина, правителя той области, увидел ее, он взял ее и изнасиловал». То же самое и с любым мужчиной, не входящим в этот круг. Они заберут вас, сделают больно и выбросят, как только испортят ваше тело и сердце. Только в монастыре можно без страха вести мирную жизнь.

Интересно, слышала ли Джорджия такую же речь? Должна была. Как долго они позволяли ей жить после этого ритуала? Мысль бурлит внутри меня, на удивление сильная, и ненависть начинает преобладать над моей кроткой личностью. Прерывая размышления на долю секунды, я снова смотрю на Адама Монро. Неужели он был тем, кто перерезал ей горло? Неужели его большие руки совершили невыразимое насилие над Джорджией, пока она была еще жива?

Он хмурится, глядя на дрожащую Деву, стоящую перед ним, затем переводит взгляд на меня. Его глаза слегка округляются, и я снова фокусируюсь на грязи, затем закрываю глаза. Я не должна был этого делать. Я молча ругаю себя, пока Леон – нет, он Пророк – пока Пророк продолжает свой урок о безопасности Монастыря. Я позволила своей маскировке вернуться на место. Я преданная последовательница Пророка и горячая дева монастыря. Гул моих мыслей становится все громче, и я понимаю, что Пророк замолчал.

Я открываю глаза и смотрю на Деву слева от меня. Она

подняла кувшин, ее глаза все еще были опущены. Я делаю то же самое.

– Вода означает подношение Девы ее Защитнику. Праведник – тот, кто научит ее и поведет в свете Господа Бога нашего. Защитник освящен Богом, и его решения всегда будут приниматься в интересах Девы под его защитой. Как Бог наставил в Бытии, мужчина – лидер, женщина – его помощница. И так будет здесь. Защитник – с Богом в сердце – поведет свою Деву и покажет ей пути истинно верующих.

– Аминь. – Мужские голоса, кажется, стали громче, громче.

– А теперь, девушки, принесите себя в качестве сосудов, предназначенных нести знание и свет нашего Господа вашему Защитнику.

Трясущимися руками я протягиваю кувшин. Короткое прикосновение пальцев к моим, и вес исчезает. Через несколько секунд осушенные кувшины пролетают над нашими головами и врезаются в огонь за нашими спинами. Первобытный рев вырывается из людей – волков, жаждущих крови.

– Защитники, отведите своих нежных ягнят обратно в Монастырь, где мы примем их в стадо.

Появляется рука широкой ладонью вверх. Я делаю глубокий вдох и напоминаю себе, что Ной хороший парень. Взяв его за руку, я поднимаю глаза и обнаруживаю, что передо мной не тот мужчина. Ной уводит другую девушку от костра.

Ухмылка Адама темнеет, когда он слишком крепко сжимает мою руку.

– Хорошо, ягненок?

Глава 2

Адам.

Монастырь – обширный комплекс бревенчатых домиков – виден сквозь деревья. Я тащу Деву за собой, ее босые ноги скользят по сухим листьям и сосновым иголкам. Она не жалуется. Они никогда этого не делают. Маленькая армия девушек моего отца поначалу всегда ведет себя идеально. Проблемы начнутся не раньше, чем сегодня вечером.

Выходим из леса, и она ускоряет шаг. Остальные Защитники и Девы следуют за нами, ни одна из женщин не издает ни звука, а мужчины кричат и смеются.

Я подгоняю свою Деву:

– Поторопись.

Она сначала сопротивляется моей хватке, затем, кажется, смиряется и позволяет мне тащить ее в монастырь. Небольшой намек на искру вспыхивает в ее глазах, а затем быстро гаснет. Я видел это на огненном ритуале – в большом театре, который мой отец любит устраивать каждый год, когда у нас появляется новый урожай Дев. Я поменялся с Ноем из-за того намёка на что-то спрятанное внутри этой Девы, но, вероятно, с моей стороны это был глупый выбор. В конце концов, она записалась в монастырь. В ней не было ни стержня, ни острого ума. Еще один ягненок на заклание. Эта мысль заставляет меня стиснуть зубы, когда я втаскиваю ее в двер-

ной проем, ведущий в банкетный зал.

Несколько Сестер становятся на колени в стороне, рядом с ними стоят миски с теплой водой.

– Вымойся! – Я подталкиваю к ним свою Деву и указываю на ее грязные ступни.

Она следует моим приказам, как послушная маленькая просительница, приподнимая свою рубашку и позволяя одной из Сестер стереть грязь. Когда я впервые заметил ее идущую между деревьями, она показалось мне слабой. Фея с белыми волосами и бледной кожей, казалось, плыла по тропинке. Наблюдая за ней сейчас, я понимаю, что у нее серые глаза, которые стали твердыми, как кремний, когда она смотрела на меня во время ритуала. Мне показалось, что я почувствовал в ней что-то большее... Легкий вызов. Но этого не может быть. Если она была достаточно тупой, чтобы поддаться чуши моего отца о «избранных» и бросить свою жизнь ради Монастыря, у нее никак не могло быть настоящих колес в ее голове. Просто слепая преданность, невежественное поклонение и глупая вера.

Сестра вытирает ноги девушки. Она выглядит молодо, лет на двадцать. Среднего роста, хрупкого телосложения, светло-розовые соски под ее рубашкой и талия, которая сужается, прежде чем расширяться до полных бедер. Свет проникает между ее бедер, давая мне представление о ее лоне. Одной маленькой подсказки недостаточно. Я хочу больше.

– Подойди! – Я протягиваю руку.

Она нерешительно смотрит на Сестру.

– Я сказал, подойди!

Снова вспышка неповиновения, но она прячет ее и сует свою маленькую ладошку в мою. Интересно.

Остальные начинают входить, Сестры моют девушкам ноги, пока мужчины ждут, их когти отчаянно нуждаются в мягком прикосновении новой плоти.

Я провожу свою Деву в Банкетный зал. Сестры украсили его для церемонии: белые ткани покрывают столы, свисают с деревянных балок и драпируют платформу в передней части комнаты. Знакомый трон находится в конце сцены, яркие бархатные подушки больше подходят для захудалой комнаты с шампанским. Свечи горят в черных кованых люстрах над головой, искусственный антиквариат смешан с современными аналогами и электрическое освещение. В конце концов, это шоу.

Грохочущий голос моего отца эхом разносится по комнате, темные углы жадно пожирают его слова.

– Добро пожаловать, Девы. Добро пожаловать в ваш новый дом.

Он входит, все смотрят на него так, как ему нравится.

– Все ваши потребности будут удовлетворены. Только вам, Сестрам и Защитникам разрешено входить в священное пространство Монастыря. Каждой из вас будет выделена комната и даны задания по дальнейшему служению Богу. Но об этом позже. Сейчас мы празднуем ваше прибытие!

Он идет по центральному проходу, Девы следуют за ним, опустив глаза. Моя Дева, кажется, забывает о себе и приподнимает подбородок, наблюдая за сценой, как будто она не является ее частью. Я отучу ее от подобных представлений. Дева спотыкается, затем восстанавливает равновесие, становится в очередь и идет в переднюю часть комнаты.

Мой отец берет первую девушку за руку и ведет ее по трем ступеням к белой платформе. Он ждет, когда все девушки встанут и займут свои места. Ягнята терпеливо ждут, когда им пережуют глотку. Я стою в тени, в то время как другие мужчины выстраиваются в очередь, практически у меня текут слюнки.

– Почему ты решил поменяться местами? – шепчет мне .

– Точно сказать не могу. – Я сосредотачиваюсь на своей Деве.

Мой отец читает проповедь об Эстер, его голос давно стал для меня не более чем фоновым шумом.

– У нее странный вид. – Ной сует руки в карманы, смиряясь с ежегодными песнями и танцами нашего отца. – Я почти с нетерпением ждал ее.

– Она просто очередная идиотка. Как и все они. Съедает ложку отца и просит еще одну порцию.

Ной вздыхает, но не комментирует мое богохульство.

– Я не знаю, готов ли я еще на год этого. Я трачу так много времени на бизнес.

– Выхода нет. – Я хмуро смотрю на отца, который расска-

зывает свою историю о старых королях, нуждающихся в молодых девственницах. – Он говорит, что это бонус, понимаешь? Но это просто рутинная работа. Еще одна долбаная работа, которую нужно сделать.

– И эта работа не окупается. По крайней мере, для нас. – Ной качает головой.

– Ни хрена. – Я скрещиваю руки на груди, переводя взгляд на свою Деву. Ее волосы закрывают лицо тонкими занавесками, руки сжаты, как будто она знает, что приближается что-то плохое.

Она понятия не имеет.

– Итак, в честь Господа, Бога нашего, я дам каждому из вас ваши новые имена. – Мой отец подходит к трону и садится со снисходительной улыбкой на лице. – Иди ко мне. – Он указывает на первую девушку.

Она подходит, чтобы доставить ему удовольствие.

– Сними свою одежду, моя дорогая, и я приму тебя как ребенка и дам тебе имя, которое Бог предназначил для тебя. – Он облизывает губы. Волки кружатся ближе к сцене.

Девушка моргает.

– Голой?

– Да. Вы перерождаетесь. Все дети приходят в этот мир невинными и обнаженными.

Мой отец утверждает, что это совершенно нормально – просить молодую женщину раздеться перед ним и группой незнакомцев.

Но девушка под его чарами. Она искренне верит в то, что говорит правильно. Медленно она поднимает сорочку, обнажая прядь темных волос внизу живота и полную грудь с коричневыми сосками.

Это дар моего отца – он может сказать толпе из десяти тысяч человек, чтобы они перестали пить молоко, начали принимать витамины, прекратили вакцинацию своих детей, начали носить одежду розового цвета, и они это сделают. Он может сделать абсурд разумным. Люди верят, что у него прямая связь с Богом. А почему они этому верят? Потому что он сказал им. Его дар проявляется по-разному, и одним из них является ежегодный урожай Дев в «Небесном служении».

– Дитя мое, ты действительно благословленна. – Он скользит похотливым взглядом по всему ее телу. – И из-за этого твое имя будет...

– Мэри. – Ной закатывает глаза. – Первая всегда Мэри.

– Мэри. – объявляет мой отец.

– Спасибо, Пророк. – Она тянется к своей одежде.

– Нет, моя дорогая. Гордись своими сестрами. – Отец указывает на следующую девушку, когда Сестра забирает из рук девушки ее рубашку.

В течение следующих десяти минут каждая девушка должна раздеться, обнажая свое тело, пока мужчины смотрят. В этом году вербовщики сделали удачный выбор, промывая мозги в основном привлекательным женщинам в программе «Монастырь» с обещаниями безопасности, ми-

ра и сестринства. В коммерческом предложении не учтены несколько ключевых элементов, но они все узнают достаточно скоро.

Когда наступает очередь моей Девы, я настораживаюсь.

Она подходит к моему отцу и, в отличие от других девочек, снимает рубашку еще до того, как он попросит, и бросает ее на пол. Для такого человека, как мой отец, это знак веры в него, преданности монастырю. Но я считаю это тем, что есть – открытым «пошел ты на хуй» моему отцу. Она лицом к лицу встречает вызов.

– Ты, моя дорогая, священна. Просто посмотри на себя. – Отец вертит пальцем, и она поворачивается по его команде. Ее длинные белые волосы спускаются по спине, светло-розовые соски напряглись в прохладном воздухе, а между ее бедер видны светлые кудри. Ее серые глаза остаются скрытыми от меня. Я хочу их увидеть. Увидеть ее. Не ее тело, а то, что кипит внутри.

– Подойди ближе. – Мой отец берет ее за руку и тянет, пока их колени не соприкасаются. Он подносит язык к губам.

Мои руки сжимаются в кулаки. Сейчас не его время. Мое.

– Что с тобой? – Ной, должно быть, наблюдает за мной. – Ты весь напряжен.

– Я в порядке.

Я разжимаю пальцы, когда отец спрашивает:

– Кто твой Защитник, милая девочка?»

Она поворачивается ко мне, ее взгляд с легкостью находит

мой. Отец следует за ее взглядом.

– Ной? Адам?

Я киваю.

– Хорошо. – Он снова сосредотачивается на ней и сжимает ее талию, его руки оскверняют ее гладкую кожу.

Она не вздрагивает.

– Думаю, здесь мне нужно немного отклониться. Назову тебе имя, которое подойдет любой, кому приходится иметь дело с Адамом каждый день. – Он дарит ей утешительный взгляд. – Конечно, не то чтобы он тебя обидел. В конце концов, он Защитник. Хммм.

Мне хочется ударить его по его самодовольному лицу даже больше, чем обычно, и это о чем-то говорит.

– Как насчет того, чтобы называть тебя Далилой? – Его руки скользят ниже по ее бедрам.

– Спасибо, Пророк. – Если бы вы были невнимательны, вы могли бы пропустить слабую дрожь в ее голосе. Я прекрасно это слышу.

– Давай, давай. – Он позволяет своим рукам опускаться, и она отступает в очередь обнаженных девушек.

– Бог добр. – Отец встает и указывает на Сестер. Они бросаются вперед с золотыми платями в руках и помогают девушкам их надеть.

По окончании представления мужчины расходятся и садятся за столы, их грубые голоса заглушают тихую болтовню на сцене.

– Когда он перестанет это делать? – Ной зевает и жестом указывает на свою Деву. Она идет, как послушная собачка, ее золотое платье облегает ей щиколотки.

– Я полагаю, когда девушки перестанут влюбляться в это дерьмо.

Дева Ноя потрясенно посмотрела на меня, прежде чем снова уставиться в пол.

Ной наклоняется ближе.

– Не позволяй Отцу слышать, как ты говоришь такое.

– Я осторожен.

– Я знаю. Но мы не можем рисковать.

– Я знаю. – Я отхожу от него, игнорируя любые предупреждения, которые он хочет добавить. Моя дева, Далила, стоит на краю сцены, золотое платье придает ей еще более неземной вид.

– Иди сюда! – Я беру ее за руку и подтягиваю к ближайшему столу. Она сидит напротив меня, не произнося ни слова.

Кем она была до того, как приехала сюда? Я должен изучить ее дело. Многие девушки, проявившие интерес к монастырю, были из неблагополучных семей и, прежде всего, имели серьезные проблемы с отцами. И этим мой отец воспользовался в полной мере. Кто такая Далила? Еще одна сломанная шестеренка в колесе?

Это не имеет значения, напоминаю я себе. Кем она была, значения не имеет. Потому что теперь она в монастыре. Скорее всего, она не заметила этого, когда мы вошли, но у каж-

дой двери с внешним доступом есть кодовые замки, повсюду установлены камеры и аналогично контролируются окна. Как только верные просители попадают в лапы моего отца, они не уходят. Во всяком случае, не на своих условиях.

– Как тебя зовут? – Вопрос слетает с моих губ, хотя он должен был остаться в стороне от всех забытых вещей, которые были у меня в голове.

– Далила. – Звук едва доходит до моих ушей.

– Твое настоящее имя.

– Далила.

– Блядь. Я откидываюсь на спинку стула, глядя на нее.

Она не встречает моего взгляда, ее маска послушания остается на месте.

– У нас есть еще одна небольшая церемония, прежде чем вы, девочки, сможете уединиться на ночь.

Ко мне подходит отец, рядом с ним Абигейл с маленьким зеленым устройством в руке.

– Я уверен, что вы готовы к этому. – Он ухмыляется мне.

Я протягиваю руку Далиле.

Она смотрит на нее, как на ядовитую змею.

– Возьми мою руку.

Она смотрит на моего отца.

– Не смотри на него. Посмотри на меня. – Мой голос ровный, но интонации – смертоносны. Показывать слабость перед отцом – не вариант.

Она протягивает нежную руку. Я беру ее своей, прекрасно

осознавая, что каждая Дева в комнате наблюдает.

Абигейл, седеющие волосы которой собраны в тугой пучок, заряжает пластиковый пистолет.

– Держи ее.

Я тяну Далилу через стол. Она вскрикивает от удивления, но я не отпускаю. Вместо этого я поднимаюсь и прижимаю ее руку обеими руками. Спустя всего секунду борьбы она становится спокойной, как будто кто-то щелкнул внутри нее выключателем. Она быстро учится, приспособившись к насилию, которое царит в этом месте.

– Будет только секунду больно, малышка. – Мой отец проводит рукой по ее волосам, касаясь моих.

В тот момент я ненавижу его больше, чем когда-либо.

– Вот так. – Абигейл приставляет конец пистолета к плечу Далилы. – Будет больно, но с тобой все будет хорошо. – Она нажимает на широкий спусковой крючок, и микрочип скользит под бледную кожу. Затем Эбигейл берет шприц из подноса, который держит другая Сестра. – Это чтобы остановить твое ежемесячное проклятие. Мы ценим здесь чистых женщин.

Далила не издает ни звука, ее напряжение – единственный проявление того, что обе инъекции причиняют боль. Точка проникновения трекера немного кровоточит, поэтому Абигейл накладывает повязку.

– Отлично сработано. – Отец гладит Далилу, как будто она верная собака, принесшая ему призывную утку.

Они переходят к следующей девушке, и Далила садится и прижимает ладонь к своей руке.

Одна из ближайших девушек наклоняется, чтобы шепнуть другой. Сестра спешит со своего места вдоль стены и шагает между ними, на ее лбу лежит глубокая морщина.

– Ни слова, когда присутствует Пророк, если только он не говорит «пожалуйста» или «спасибо». – Она не достает свою палку и не бьет болтушку.

Еще нет.

Глава 3

Далила.

Я иду за Адамом по длинному коридору. Двери через равные промежутки открываются налево и направо, и Сестры стоят у некоторых из них, скрестив руки перед собой, опустив глаза. Мне не нужно видеть их лица, чтобы знать, что меня ждет. Мои инстинкты призывают меня бежать. Но я не могу. Я не уйду, пока не получу то, за чем пришла. Я заставляю свой страх отойти на второй план.

Пройдя примерно сто ярдов, Адам поворачивает направо и толкает двойные двери. Спиннер стоит внутри комнаты. Она молода, может быть, ей даже нет двадцати пяти, и шрам пересекает ее лоб и исчезает под светлыми волосами.

– Какая ее? – спрашивает Адам, нетерпеливо сокращая промежутки между словами.

Сестра поворачивается и ведет нас по коридору. Я насчитала дюжину дверей, каждая из которых названа в честь книги Библии. Она указывает на дверь Псалмов, и Адам протискивается мимо нее в комнату.

Что-то холодное ползет по моему позвоночнику, сжимая и лишая меня возможности двигаться. Если я войду в эту комнату, что будет? Ничего хорошего. Но это то, на что я подписалась. У меня нет иллюзий, как у некоторых других девушек. Монастырь – не рай, это тюрьма, и я вошла прямо

в нее. Это просто стальные прутья за моей спиной.

– Тебе лучше следовать, – шепчет Сестра.

Я смотрю на нее, но она бесстрастна.

– Далила. – Низкий голос Адама несет больше, чем намек на угрозу. – Иди сюда.

Я напрягаюсь и захожу в комнату. Адам сидит на кровати, глядя на меня. Комната больше, чем я привыкла. Маленькая ванная справа, шкаф – слева. Мебель простая и гармонирует с декором бревенчатой хижины. Кровать накрыта белым покрывалом.

– Закрой дверь. – Он не сводил с меня взгляда.

Я делаю, как велено. От щелчка ручки по спине у меня ползут мурашки.

– Подойди, – он указывает на пол перед собой.

С трудом сглотнув, я встаю перед ним. Он смотрит на меня темными и бездонными глазами. Настолько похожими на глаза его отца, что у меня подступает тошнота к горлу.

– На колени. – Он постукивает ногой по бледно-голубому ковру.

Жар разливается по шее и щекам.

Он это видит и ухмыляется.

– У меня никогда не было девушки, которая не выполняла бы то, что ей сказали.

Дерьмо. Я не могу выделяться. Единственный способ, который может сработать, – это слиться с другими девушками.

Медленно опускаюсь на пол, не сводя глаз с ковра.

– Ближе. – Он протягивает руку и берет прядь моих волос, растирая ее между большим и указательным пальцами.

Я подхожу ближе. Он раздвигает колени шире и тянет меня за волосы.

– Ближе.

Я стискиваю зубы, но подчиняюсь, двигаясь, пока не оказываюсь между его ног, мое лицо на уровне его живота. Я не смотрю вниз.

– Как тебя зовут?

– Далила. Я вздрагиваю, когда он снова дергает меня за волосы.

– Какое твое настоящее имя?

Я смотрю на него.

– Далила.

Его ноздри раздуваются, а глаза расширяются. Я быстро опускаю взгляд.

– Ты отличаешься. – Он обеими руками гладит меня по волосам. – Я имею в виду, очевидно, ты выглядишь необычно. Альбинос или что-то в этом роде?

Меня так звали подлые дети с первого класса. Моя кожа и волосы – результат генетического дефекта, близкого родственника альбинизма, но ему не нужно об этом знать. Я всю жизнь сталкивалась с грубыми комментариями о моей странной внешности. Я могу справиться с его.

– Такие белые. – Он изучает мои волосы. – Как у феи.

Я остаюсь неподвижной и молча надеюсь, что он потеряет

интерес, что внимательное изучение моих волос станет концом вечера и он оставит меня в покое.

Проходит еще несколько мгновений, затем он откидывается назад.

– Снимай платье.

Боже, это было так сложно сделать в первый раз в комнате, полной глазающих мужчин. Теперь, в тихой комнате с одним мужчиной, это кажется бесконечно трудным.

Он постукивает по маленькой пряжке спереди на ремне.

– Ты узнаешь, что тебе нужно подчиняться мне. Каждый раз. Немедленно. Я сделаю тебе поблажку сегодня вечером, так как мы впервые вместе, но с этого момента, когда я говорю тебе что-то делать, ты делаешь это. Без колебаний. А теперь сними платье.

Мои губы дрожат, когда я наклоняюсь и вытаскиваю золотую ткань из-под колен, затем снимаю ее через голову. По моей коже пробегают мурашки, когда прохладный воздух щекочет тайные места, но я не буду плакать. Я бросаю ткань рядом с собой, затем снова смотрю на его живот, хотя теперь мои глаза прикованы к блестящей серебряной пряжке.

– Хорошая овечка. – Он прижимает указательный палец к моему подбородку и переводит мой взгляд на свое лицо. Квадратная челюсть, острый нос, полные губы, темные волосы и непроницаемые глаза – он красив. Я предполагаю, что сатана тоже красив.

– Каждый раз, приходя в гости, я ожидаю, что ты немед-

ленно разденешься и преклонишь передо мной колени. Ты не задаешь вопросов. Ты не сомневаешься. Понимаешь? – Его взгляд скользит по моим губам.

– Да.

– Хорошо. – Он отпускает мой подбородок, и я снова смотрю в пол.

Он цокает языком.

– Не прячься от меня. Всегда смотри мне в глаза, когда я говорю с тобой.

– Но Сестры сказали нам никогда не...

– Когда мы находимся в этой комнате, мы делаем это по-своему. – Он бросает взгляд на вентиляционное отверстие в потолке, затем снова сосредотачивается на мне. – Я твой Защитник. Я бы никогда не сбил тебя с пути.

Я снова встречаюсь с его взглядом, чувствуя, как его вес опускается на меня, унося меня в бездну, полную темных фигур и движущихся теней.

– Хорошая овечка. – Ухмылка играет на его губах. – А теперь открой рот.

Я не заплачу. Я не заплачу. Я открываю.

Он хмурится.

– В следующий раз быстрее. И шире.

Я раздвинула челюсти, отрывая губы от зубов.

– Лучше. – Он скользит двумя пальцами мне в рот, надавливая на мой язык. – Ты когда-нибудь раньше брала мужчину в рот?

Я слегка качаю головой.

Его ухмылка расцветает:

– Лжешь.

Паника грозит сжать мне горло. Попадание в монастырь требовало девственности. У меня это было в техническом смысле, что якобы «подтвердилось» на экзамене, обязательном для всех абитуриентов. Девственница? Да. Святая? Нет.

– Сколько членов ты отсосала, ягненок? – Он надавливает сильнее, его пальцы скользят ближе к моему горлу.

Я задыхаюсь, но он не убирает пальцы. Мое ущелье усиливается, больше от воспоминаний, чем от всего, что он со мной делает.

– Сколько?

– Один, – говорю я.

– Один? – Кажется, удовлетворенный, он отступает. –

Оставь рот открытым.

На языке скапливается слюна, но глотать я не могу.

Он смотрит на меня сурово, без жалости.

– Ты хоть представляешь, что тебя ждет? Что сделает с тобой год в этом месте? Что я с тобой сделаю?

Я не могу ответить. Но я хочу сказать ему, что не боюсь. Что я сделаю все необходимое.

– Ты дура, что пришла сюда. – Он вздыхает. – Закрой свой рот.

– Сестра! – Его внезапный крик заставляет меня подпрыгнуть.

Дверь открывается, и входит блондинка со шрамами.

– Да сэр?

– Начни тренировку горла завтра. Ее рвотный рефлекс нуждается в доработке.

Она кивает.

– Да сэр.

– Убирайся.

– Да сэр.

Она исчезает, и дверь снова закрывается.

– Встань на кровать и раздвинь ноги.

Колени слабеют, но я пытаюсь встать. Он не помогает, просто смотрит холодными глазами, которые, кажется, ничего не упускают. Унижение пронзает меня, поскольку он относится к моей наготы как к банальности, как будто в этом, во всем этом нет ничего плохого.

– Далила, ты испытываешь мое терпение. – Его рука снова тянется к пряжке ремня.

Я подхожу к дальнему краю кровати и сажусь, затем заставляю себя лечь. Сказать моим ногам разжаться – это одно, а то, что они действительно следуют команде, – совсем другое.

Адам встает у изножья кровати, его лицо нахмурено.

– Раздвинь их.

Мой подбородок дрожит, и я начинаю сомневаться, что смогу это делать.

Он расстегивает свой ремень и медленно вытаскивает его

из петель с шипящим звуком. Девочка в соседней комнате начинает плакать.

– Последний шанс.

Я закрываю глаза и раздвигаю ноги.

– Больше. – Его голос, кажется, опускается на октаву, становясь более грубым.

Мои пятки скользят по белому одеялу, прохладный воздух ласкает самые интимные части меня.

– Еще, – говорит он.

Я полностью открываюсь, слеза срывается с моих ресниц и катится мне в ухо. Больше он ничего не говорит.

Девушка по соседству плачет, а другая девушка кричит из коридора.

Кровать опускается, его колени между моими лодыжками. Я сжимаю одеяло, пока он нависает надо мной. Я не могу открыть глаза.

Из коридора доносится крик. Я вздрагиваю.

– Шшш. – Его теплое дыхание обтекает мою внутреннюю поверхность бедра. – Посмотри на меня!

Я открываю глаза. Он между моих ног, его рот скользит по моей обнаженной коже, поднимаясь вверх, вверх, вверх по моим бедрам. Его взгляд встречается с моим, зрачки расширены, и он останавливается всего в дюйме от той части меня, которую никто никогда не видел.

– Ты такая же вкусная, как выглядишь, Далила? – Его теплое дыхание щекочет мою чувствительную кожу.

В голове у меня нет мыслей.

Он глубоко вдыхает, и я так сильно сжимаю одеяло, что у меня болят пальцы.

– Я думаю, что да. – Его язык стремительно приближается к моей плоти. – Я думаю, ты умоляешь меня попробовать тебя на вкус. Скоро.

Мое сердце колотится и спотыкается, когда он вдыхает меня, его взгляд держит меня в плену. Он меня не трогает, но все равно предъявляет претензии. Я не могу расслабиться, не могу думать, не могу смотреть ни на что, кроме него. Его легкое дыхание зажигает маленькие искры на моей коже, и я в ужасе от того, как реагирую на него. Что-то теплое разворачивается у меня внизу живота, слабое желание, которого не должно быть. Не в этом месте. Только не с этим мужчиной.

Он облизывает губы, и я задыхаюсь. С ухмылкой он откидывается и встает, затем хватается свой пояс с кровати. Он идет к двери, затем останавливается.

– Не открывай дверь никому, кроме Сестер или меня. Поняла?

Я даже кивнуть не могу.

– Спокойной ночи. – Он уходит, и я наконец вздыхаю.

Глава 4

Адам.

Я откидываюсь на спинку стула и делаю долгий глоток из стакана.

– Все так плохо? – Входит Ной и бросает куртку на бильярдный стол.

– Как твоя? – Я не хочу думать о Далиле. С первого момента, когда я увидел ее, мои мысли кружили над ней, как стервятник над падалью, и это нужно прекратить.

– Хорошо. – Он пожимает плечами. – У нее не было проблем с подчинением. С другой стороны, я никогда не строю с ними, даже если они не спешат с послушанием.

– Что приводит к неприятностям.

– Может быть. – Он готовит себе напиток и плюхается рядом со мной в свое любимое кожаное кресло. – Но я не хочу причинять им вред.

– Ты единственный.

– Я знаю. – Он хмурится. – Я бы хотел, чтобы папа не подпускал к себе Крейга или Ньюэлла. Они не должны быть Защитниками.

– Преимущества быть в ближайшем окружении Пророка. – Я фыркаю и осушаю свой стакан, затем встаю, чтобы налить еще один.

Телефон Ноя звонит.

– Блядь.– Я бросаю в стакан два кубика льда. – Это он, не так ли?

Ной проверяет свой телефон. – Да. Он хочет нас видеть. Вверх по лестнице.

Я допиваю свой стакан и следую за Ноем вверх по изогнутой лестнице, ведущей на главный этаж дома Пророка. Здесь все сверкает – полы, люстры, бесценное искусство. Сколько глав государств вошли в особняк Монро на территории «Небесного служения» и глубоко вздохнули, почувствовав вкус денег на языке?

– Пророк ждет в офисе. – Кастро прислоняется к стене у французских дверей в логово моего отца. Он был с нами несколько лет, но не проявил себя достаточно, чтобы быть Защитником и получить свою собственную Деву, с которой можно было бы играть. Возможно, в следующем году. Горечь в его глазах говорит мне, что он прекрасно знает, что мы с Ноем делаем в наших глупых белых нарядах.

Он открывает нам дверь, и мы входим в офис, знакомый запах сигар портит воздух, пока отец внимательно рассматривает нас сквозь дым.

– Вы двое довольны своим выбором в этом году?

– Конечно.– Ной опускается на мягкий кожаный диван, а я стою у камина.

– А ты, Адам? Что ты можешь сказать об этой яркой белой девушке? – Он открывает коробку в форме креста, сделанную вручную одним из прихожан, набирает горку кокаина на

ноготь на мизинце, затем нюхает ее.

– Она адекватная.

Мой отец смеется, но на его лбу не появляются морщинки, в уголках глаз нет гусиных лапок. Ботокс – адское лекарство.

– Адекватная? – Он хихикает. – Может, женишься на ней?

– Это то, что вы хотите? – Я стараюсь говорить бесстрастным голосом.

Его глаза сужаются.

– Если ты хочешь бросить мне вызов, мальчик, лучше иди ко мне со всем, что у тебя есть. Если ты этого не сделаешь, я прикончу тебя.

– Папа. – Мягкий тон Ноя скрывает язвительность, падая, как мягкий снег, на гнев моего отца. – Он просто еще не готов.

– Ему тридцать лет. Он готов ко многому! – Он еще раз вдыхает пудровую смелость.

– Конечно, но он отвечает за нашу операцию. Его внимание ...

– Я прекрасно могу защищаться, Ной. – Я смотрю на отца тяжелым взглядом. – Я не возьму в жены ни одну из этих идиоток. Если они достаточно глупы, чтобы влюбиться в твои песни и танцы, то я не хочу иметь с ними ничего общего.

Отец проводит пальцем по воздуху:

– Я Пророк Господа, Адам. Бог избрал меня для этого. И

Он выбрал их, чтобы они служили мне.

Из многих заблуждений моего отца это его самое любимое. Я мог бы возразить, мог бы объяснить, что он шлюха эпических масштабов. Но я не буду. Все, что я хочу, это лечь спать и забыть этот день. Но это не вариант. Меня встретит моя долбаная реальность, как только я проснусь утром. Но блаженство сна – часы полной темноты – это мое единственное оставшееся удовольствие.

Его гнев внезапно сменяет безмятежность, что никогда не бывает хорошим знаком.

– Я собирался позволить тебе пожелать спокойной ночи твоей матери, но, поскольку вы оба настолько упрямы, я думаю, что не стану этого делать.

Ной протягивает руку.

– Папа, пожалуйста.

Он не понимает, что мольба только подпитывает отказ отца.

Кроме того, это уловка. Отец годами не позволял нам приближаться к матери. За ней наблюдают даже более пристально, чем за Девами.

– Это хорошо. – Я встаю и потягиваюсь, легко скрывая свою ненависть в равнодушии. – Я в любом случае готов бросить вызов.

Когда отец понимает, что не может вывести меня из себя, его гнев возрастает втрое.

– Убирайся отсюда! Вы оба. Служба утром. Она будет

транслироваться в нашем новом приходе в Индии. Эти идидоты с куриными мозгами могут собрать рупии и послать сюда. Безбожные язычники. – Он тушит сигару в хрустальной пепельнице, его темные глаза впиваются мне в спину, когда я ухожу.

Я лежу в постели, мои мысли возвращаются к ритуалу, к Далиле. Ее тонкая папка лежит на подушке рядом со мной, снимок ее овального лица прикреплен спереди. Двадцать один год, поступила в колледж из Северной Луизианы, где до сих пор живут ее родители. Она начала посещать службы в «Монастыре» около года назад, сразу после того, как разразился скандал с убийством.

Она приходила в церковь каждый раз, когда открывались двери. Всегда одна, несмотря на несколько попыток со стороны некоторых членов общины мужского пола. Идеально подходит для монастыря – безупречный послужной список и родители далеко. Она приехала в Алабаму в школу, но, как и многие другие, влюбилась в сирену Пророка.

Я постукиваю пальцами по обнаженной груди, смакуя ее изображение на обратной стороне век. То, как она выглядела на той кровати. Иисус.

Я тренировал Дев каждый год в течение последних пяти лет, но я никогда не реагировал на них так, как на нее. Я подтолкнул ее слишком далеко, заставляя ее смотреть мне в глаза и отдавать мне больше, чем мне разрешено. И я был жесток с ней, но не так сильно, как буду. Если я буду лег-

ко относиться к ней, как Ной к своим девицам, то это закончится бедой. Моя рука скользит под простыней к моему голому члену. Простая мысль о ней, раздвинутые ноги, маленькие кулачки, сжимающие одеяло – это все, что мне нужно. Я начинаю гладить себя, представляя, как пожираю ее сладкую пизду, пока она корчится, борясь с удовольствием, а затем сдаюсь. Когда она кончает мне на лицо, я стреляю толстой струей себе на живот.

Выйдя из эйфории, я понимаю, что не могу позволить этому повториться. Фантазии о ней только омрачат мой разум, заставят меня переосмыслить все то дерьмо, которое мне нужно сделать, чтобы подготовить ее. Я вытираюсь и бросаю простыню на пол.

Она будет готова.

Я не проиграю.

Не в этот раз.

Глава 5

Далила.

Прихожане гудят, их голоса сливаются, пока аудитория на 20 000 мест не начинает трещать от напряжения. Я становлюсь на колени, голова опущена, руки сложены, лицо закрыто белой вуалью. Мои подруги из монастыря делают то же самое по обе стороны от меня. Двенадцать невинных Дев на пьедестале, чтобы толпа могла смотреть и желать.

Пророк – не что иное, как понты. Об этом говорит позолоченный пол его сцены, и когда он выходит в своих блестящих черных туфлях, толпа превращается в живое чудовище, рев одобрения заглушает постоянный гул греха.

Он усмехается улыбкой доброго отца и машет пастве. Его изображение увеличено на огромных мониторах по обе стороны сцены. Девушка рядом со мной дрожит, хотя сомневаюсь, что от страха. Религиозный восторг, поклонение герою, которое продолжается, несмотря на все ужасы, постигшие ее прошлой ночью.

– Сейчас, сейчас. Слава принадлежит Богу, а не мне. – Пророк говорит через маленький микрофон, который изгибается вокруг его щеки и прижимается к губам.

Я не могу оборачиваться. Девы должны преклонить колени – идеальный образ благочестивой женственности во время службы. Наши вуали скрывают синяки. Этим утром я по-

няла, что мне повезло – многие девочки пострадали ночью, когда я качалась в углу, обхватив руками икры.

Даже не видя, что происходит позади меня, я знаю, что в святилище полно набожных верующих. За нашими спинами выстроился ряд детей в белых джемперах, которых привели из детской. Во время службы нельзя разговаривать, и я много раз видел, как женщины, которым поручено присматривать за детьми, выводили из зала расшалившихся малышей.

Ряды Небесных полицейских выстроились по бокам от проходов. Несколько лет назад государство предоставило муниципалитету «Небесного служения» статус, позволив Пророку сформировать свою собственную полицию и правительство. Его влияние с каждым днем распространяется все больше, как всепоглощающая гниль.

– У нас новый урожай девиц монастыря, слава Богу. – Он делает движение в нашу сторону – двенадцать пешек в своей игре силы. Сценическое освещение заставляет его сиять. Толпа аплодирует. Их голод дует нам в спину.

– Эти желанные места были заполнены молодыми женщинами, которые станут будущим нашей церкви. Двенадцать месяцев интенсивного обучения путям Отца, Сына и Святого Духа принесут множество женщин, которые ходят в свете и любви нашего Спасителя. – Он указывает на нас рукой. Аплодисменты нарастают.

Он поднимает руку, и все звуки прекращаются.

– В качестве удовольствия для новых девиц нашего мона-

стыря и для всех вас сегодня утром у нас особенный гость. Женщина, которая воплощает в себе все, чем должна быть молодая женщина. Она – яркий пример будущего, которого мы желаем всем девицам нашего монастыря, тем более что она сама была одной из них. Пожалуйста, поприветствуйте нашу первую леди Алабамы, миссис Мириам Уильямс.

Толпа рычит, когда она выходит на сцену, ее розовые каблукки, длинные ноги и безупречное кремовое платье подчеркивают ее распущенные светлые волосы. Она машет рукой с широкой улыбкой королевы красоты на лице, обнимая Пророка и целуя его в обе щеки.

Когда они заканчивают улыбаться друг другу, она поднимает микрофон и выходит вперед, ее взгляд блуждает по девицам монастыря у ее ног.

– Блаженны вы среди женщин. – Ее голос, идеальное сочетание высокого и низкого, разносится по арене. – Для вас надежда на лучшее будущее.

Еще один взрыв аплодисментов, и толпа стихает.

Ее ясные голубые глаза почти так же остры, как и ее улыбка, когда она смотрит на нас.

– Господь привел вас к Пророку, как и меня. Я каждый день восхваляю Бога за это благословение и не сомневаюсь, что все вы делаете то же самое. Пророк знает ваши сердца, ваши умы, ваши желания и ваши мечты. И только через него вы полностью раскроете свой потенциал благочестивой женщины в падшем мире.

Из толпы зрителей звучит «аминь».

– Доверьтесь ему. Послушайте его. Только Пророк знает план Бога для вашей жизни. – Она поднимает глаза и бросает драматический взгляд на толпу. – Девы монастыря благословлены тем, что находятся на попечении Пророка. Как и все мы. Пусть Бог и дальше будет светить своим светом через своего единственного истинного представителя здесь, на Земле.

Она поворачивается и делает глубокий реверанс перед Пророком. Он кивает, затем подходит к ней, берет ее за руку и поднимает ее.

– Истинная женщина Бога, не так ли?

Прихожане извергают вулкан одобрения как для Пророка, так и для Мириам. Она резко уходит со сцены, ее белые зубы блестят.

Я могу взглянуть на Пророка, когда он начинает свою проповедь, но мой взгляд обращен вправо. Адам стоит сбоку от сцены, его не видно из толпы, но видно некоторым девушкам. Сложно смотреть сквозь вуаль, но его внимание, кажется, приковано ко мне. В его темных глазах что-то вроде любопытства или, возможно, отвращения. Меня не должно волновать, что это, даже если я волнуюсь. Адам не тот мужчина, который меня интересует; он просто еще одно препятствие, которое мне придется преодолеть на пути к истине.

Опустив взгляд, я сосредотачиваюсь на краю сцены. Я не слушаю Пророка. Я здесь не для этого.

Я беру свою тарелку с овощами и крохотную порцию мяса и сажусь за один из столов в столовой. Меньше банкетного зала, эта комната строго утилитарна: металлические столы и стулья, кафельный пол и полностью оборудованная кухня. Мы здесь обедаем и ужинаем. Головорез сказал нам, что Пророк верит, что завтрак для слабых; поэтому мы пропускаем его в монастыре. Я подозреваю, что отсутствие завтрака и низкое качество еды больше связаны с тем, чтобы мы были слишком послушными или, возможно, привлекательно худыми. Возможно, и для того, и для другого.

Другая Дева сидит рядом со мной и открывает свой пакет молока.

– Привет.

– Привет. – Я накалываю кусок брокколи и кладу его в рот.

– Я Мелин, я имею в виду, я Сара. – Она улыбается, ее темные волосы вьются вокруг лба. Она выглядит едва ли достаточно взрослой, чтобы водить машину.

– Далила.

– Откуда ты? – Она отрезает кусок мяса и осторожно кладет его в рот.

– Луизиана. А ты?

– Бирмингем. – Она морщит нос, но сглатывает.

– Сколько тебе лет?

Она улыбается и ковыряется в зеленой фасоли.

– Я достаточно старая.

Я смотрю вверх и вижу, что за нами наблюдает еще одна Дева.

– Привет.

Она опускает глаза – под одним из них черный полумесяц синяка – и берет свою еду.

– Это Ева. Она была...

Я подпрыгиваю, когда Сара издает пронзительный визг.

Рядом с ней стоит Сестра с короткой палкой в руке.

– Не разговаривать во время еды.

Сара сжимает голую шею в том месте, где ее ударили, и отодвигается от меня. Я обнимаю ее. Прядильщица снова встает на дыбы. Я вздрагиваю, когда палка падает мне на шею.

– Никаких контактов между девушками! – Она хмурится, когда я отпускаю Сару.

– Я в порядке. – Сара фыркает, по ее щеке текут слезы.

У меня болит шея, но я отказываюсь прикасаться к больному месту. Я не доставлю Сестре удовлетворения.

Она продевает палку через петлю на поясе юбки и идет к кухне, ее длинная черная юбка почти касается земли.

Я опускаю руку под стол и сжимаю колено Сары. Она коротко кивает мне и снова начинает есть.

Я задаюсь вопросом о женщинах, которые подписались на это, заблуждаясь, что Монастырь будет чем-то вроде рая для сестер. Примирились ли они с тем, что есть на самом деле? После вчерашней ночи я не могу представить, чтобы кто-то

из них все еще верил в Пророка, в обещанную им безопасность. Но когда я смотрю на одну из Дев, самодовольное удовлетворение в ее глазах, когда она смотрит на рубец, образующийся у меня на шее, я понимаю, что некоторые из этих женщин находятся именно там, где они хотят быть.

– Тренировка начинается через пять минут. – Другая Сестра стоит у двери холла, у нее резкий лающий голос. Ей не больше тридцати, но, учитывая ее авторитетный вид, кажется, что она главная. Ее волосы скрыты под черной одеждой, и ее глаза, кажется, пронизывают любого, на кого она смотрит слишком прямо. Я опускаю взгляд, чтобы она не увидела настоящую меня.

Я съедаю все, что могу, из своего пресного завтрака. К тому времени, когда я заканчиваю трапезу, остальные Девы выходят за дверь. Я присоединяюсь к очереди, пока мы петляем по коридорам, Монастырь похож на соты. Когда мы выходим в большую комнату, некоторые женщины ахают.

Три высоких стола – такие, какие можно увидеть в кабинетах врачей, – стоят справа, по Сестре рядом с каждым. Затем еще один набор из трех столов с какими-то странными мешочками для капельниц, висящими по углам, и большой раковиной за ними. За столами стена, покрытая темной решеткой. Кнуты, зажимы, цепи и большой выбор фаллоимитаторов. Большая деревянная конструкция в форме Х в углу, и ремни сверху и снизу говорят мне, что это не только для декора.

– Бог улыбается женщинам, которые нравятся своим хозяевам. Вы должны быть драгоценны в Его глазах. – Сестра широко раскинула руки. – Это ваша тренировочная комната. Каждое утро вы будете проводить здесь немало времени. Послеобеденное время будет проведено в молитве или выполнении хозяйственных работ. А ваши ночи принадлежат вашим Защитникам.

Одна девушка издает сдавленный звук. Старшая Сестра хлопает палкой по ладони.

– Раздевайтесь. Вы все.

Я уже привыкла к принудительному раздеванию, поэтому безропотно роняю платье на пол. Здесь не дают нижнего белья.

Сестра идет к первой в очереди девушке и рукоятью своей палки приподнимает ее подбородок.

– Все волосы на теле неприличны в очах Господа.

И в каком библейском стихе это сказано? Порно 1:69? Я держу свои мысли при себе.

Она скользит палкой по туловищу обнаженной девушки и останавливается на прядке волос между ее бедер.

– Стыдно. Вы все. Ваши тела постыдны. У нас есть двенадцать месяцев, чтобы попытаться превратить вас в женщин, которыми могут гордиться Бог и Пророк. – Она тяжело вздыхает и переходит к следующей девушке. – Но за последние пять лет у меня никогда не было такого непринужденного класса девушек. – Она использует палку, чтобы ткнуть Еву в

пышную талию. – Это жир, тебе нужно похудеть. – Она продолжает идти по очереди, пока не подходит ко мне. – А вот и многообещающая. Стройное тело, хорошие волосы – конечно, нам нужно убрать беспорядок между твоими ногами. Она прижимает палку к моему подбородку, поднимая мое лицо к себе. – О, Боже. – Она хмурится. – Эти глаза просто не годятся. – Она цокает языком. – В них есть что-то, что мне не нравится. То, что неудобно Господу. – Она колеблется еще мгновение, прежде чем двинуться дальше, критикуя волосы, вес, ямочки, целлюлит, тон кожи и даже расположение родинок. – Это татуировка? – Ее отвращение стягивает воздух, как масло воду. – Как, черт возьми, ты попала в Монастырь с этим злым знаком падшего мира на своем теле?

К тому времени, когда она возвращается в начало очереди, мы все уменьшаемся примерно на шесть дюймов, и я слышу сопение сзади.

– Монастырь был создан Пророком, чтобы обучать молодых женщин, таких как вы, следовать учениям Господа и повиноваться Его воле. Некоторые вещи, которые здесь происходят, могут вас запутать. – По ее тонким губам пробегает намек на улыбку. – Они могут даже напугать вас, но будьте уверены, что все делается в соответствии с планом Пророка для вашей жизни. Со временем вы это поймете.

Она говорит с уверенностью, которую я видела только у продавцов и политиков. У меня ползут мурашки по коже.

– Три девушки – сюда. – Она указывает на первый набор

столов.

– Следующие три – сюда.

Я последняя из Дев, которая займет один из столов со странной сумкой для капельниц.

– Залазь! – Ближайшая Сестра гладит рукой по столу.

Я взбираюсь и сижу, обхватив колени руками. Страх пульсирует во мне с каждым ударом сердца.

– Остальные, за мной. – Старшая Сестра ведет оставшихся женщин к решетчатой стене.

– Мне нужно, чтобы вы трое стояли на четвереньках. – Одна из Сестер за столиками берет пакет для капельниц и включает воду, проверяя ее тепло кончиками пальцев.

Вот тогда я понимаю, что это не мешки для капельниц. Слишком большие. Слишком не совсем медицинские.

Я видела, как один из них висел за дверью в ванной моей бабушки и дедушки, и думала, что это какой-то особенный воздушный шар. Весело, правда? Нет. Это мешки для клизмы.

Я переглядываюсь с Сарой, сидящей рядом со мной на столе. Ее брови сдвинуты вместе, когда она смотрит на мешок, висящую на крючке над ее столом. Я молча говорю ей слово «клизма».

Она не понимает.

Я снова говорю это.

Когда ее карие глаза расширяются, я понимаю, что она уловила слово.

– На четвереньках, – я сказала! – Рывкает Сестра у раковины.

Мы все переворачиваемся и становимся на колени. Унижение захлестывает меня. Я вонзаю ногти в стол с мягкой подкладкой. К коктейлю стыда добавляется еще одна мысль: есть ли здесь камера, подобная той, что установлена в вентиляционном отверстии моей комнаты? Должно быть. Может быть, Адам прямо сейчас наблюдает за моими мучениями.

Мое внимание привлекает визг у трех других столов. Одна из Сестер натирает Еву воском, выдергивая ее темные лобковые волосы и отбрасывая их в сторону. Другая девушка стоит на четвереньках, и Сестра прикладывает что-то между ее ягодицами. Это не воск. Воспоминания о том, как мы с Джорджией смотрели «Подружек невесты» и хихикали вместе, всплывают в моей голове. Сестры отбеливают ей жопу?

Бьюсь об заклад, моя будет светиться белым еще до наступления дня – эта мысль прерывается, когда я чувствую холодные руки, а затем в мою задницу проникает шланг. Моя реакция – вытолкнуть его.

Резкий удар говорит мне, что это неправильный ответ.

– Не дави!

Передо мной появляется Старшая Сестра с кляпом в руке. Вместо мяча, который я видела в фильмах, у этого есть фаллоимитатор.

– По словам Защитника Адама, ей нужна тренировка горла раньше, чем обычно.

– Да, мэм. – Распорядительница клизмами тянется к приспособлению.

– Я бы хотела управлять этим сама. – Старшая держит черный фаллоимитатор перед моим лицом. – Открой рот!

Я не хочу. Но у меня нет выбора. Я открываю.

Сестра засовывает кляп мне в рот.

Я задыхаюсь, но она застегивает его сзади. Используя зубы, я пытаюсь прикусить и протолкнуть кляп языком, но это только ухудшает ситуацию. Возникает странное чувство клаустрофобии. Я могу умереть вот так. Захлебнуться собственной слюной. Задохнуться. Все это время Старшая смотрит на меня с ужасающим холодом.

Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на дыхании через нос. Вдох, выдох. Вдох, выдох. Наконечник клизмы все глубже погружается в мою задницу, тепло заполняет внутренности и заставляет меня сжимать ягодицы, чтобы удержать все это внутри.

– Я хочу выйти. – Слабый голос от одного из столиков справа от меня.

Я не смотрю. Я должна сосредоточиться на своем дыхании, иначе я умру. Я знаю это. Давление в заднице продолжает нарастать, с подбородка стекает слюна.

– Пожалуйста, позвольте мне уйти.

Я хочу ее предупредить. Сказать ей, что для этого уже слишком поздно. Выхода отсюда нет. Это ловушка, и когда она закрывается вокруг своих жертв, решетки становятся по-

стоянными. Когда я слышу глухой удар и девушка начинает кричать, я дышу ровно. Вдох, выдох. Еще один крик, кто-то плачет. Вдох, выдох.

– Вы здесь, чтобы служить Господу. Вы дали клятву, и я и мои Сестры здесь, чтобы убедиться, что вы ее сдержите. – Голос Старшей на удивление безмятежный. – Мы спасем вас от адского огня вопреки вам. А теперь перестань хныкать и возвращайся к столу.

– Зачем? Я думал, мы пришли сюда, чтобы...

Еще один удар и визг боли.

– Вы здесь, чтобы делать, как мы говорим, как велит Пророк!

Некоторые девушки плачут. Они искренне верили, что в Монастыре они будут в безопасности, что они останутся нетронутыми. Дурочки.

Я попала в эту ловушку, полностью осознавая прутья и ржавые металлические части, обещавшие боль и отчаяние. Я сделал это для Джорджии.

Я найду ее убийцу. И тогда я отплачу за то, что с ней случилось, кровью.

Глава 6

Адам.

Она сидит на кровати, опустив глаза, когда я вхожу в комнату. Красные линии проходят по каждой ее щеке. Сестры тренировали ее горло, как я велел.

Я закрываю за собой дверь.

Она не двигается, не раздевается и не падает на колени, как я сказал.

Я вздыхаю и снимаю ремень. Это привлекает ее внимание. Она смотрит вверх, в ее глазах тот же огонь, что я видел вчера.

– Снимай.

Она знает, что я имею в виду ее белое платье. На мне черные брюки и темно-синяя рубашка на пуговицах – мой деловой костюм. Для меня игра в белоснежных людей закончилась. Но не для нее.

– Зачем? – Слово едва слышно с ее розовых губ.

– Разве Сестры не говорили тебе не задавать вопросы? – Я провожу ремень через ладонь.

– Что ты собираешься делать? – Ее глаза встречаются с моими.

– Сегодня вечером я собираюсь преподать тебе урок послушания. После этого посмотрим.

– Я не собака.

Вызов в ее голосе посылает через меня ток, который кончается в моем члене. Он напрягается, упираясь в ширинку.

– Ты уже выпросила три удара. – Я позволяю ремню свисать сбоку. – Хочешь еще?

Она тяжело сглатывает.

– Снимай платье и становись на четвереньки, как хорошая собака. – Мое сердце бьется о ребра, опьяненное мыслью о ее обнаженной плоти, покрасневшей от моего ремня.

С еще одним взглядом, который выражает чистую, неразбавленную ненависть, она встает и стягивает платье. Дюйм за дюймом я вбираю в себя каждый кусочек восхитительной кожи.

– Я вижу, что Сестры уже приступили к процедуре депиляции. – Я смотрю на голость между ее ног, кожа там все еще розовая и раздраженная. Я хочу провести по нему губами, языком, членом.

Она ничего не говорит и забирается на кровать, держа бедра вместе, скрестив лодыжки, и выдыхает. Ее волосы ниспадают каскадом по обе стороны от ее лица, скрывая его от меня.

Я встаю позади нее. Когда я вижу ее голую киску, у меня слюнки текут. Это идеальный розовый тюльпан, нетронутая середина которого, вероятно, самая сладкая вещь, которую я когда-либо пробовал. Крепче сжимая пояс, я сосредотачиваюсь на ее дисциплине. Она вещь, а не человек. Я начал повторять эту мантру, когда впервые стал Защитником. Это

был единственный способ сделать то, что было необходимо. Теперь я понимаю, насколько я болен. Я хочу ударить ее. У меня от этого слюнки текут.

Раньше я лгал себе – я делаю это для их же блага. Им будет намного, намного хуже позже, если я не сломаю их сейчас. Эти слова такие же пустые, как и мое больное сердце. Я причиню ей боль, потому что хочу, потому что я чертовски этого жажду, потому что я стал монстром, как этого хотел мой отец. Он такой же монстр.

Отступая, я наслаждаюсь моментом перед ударом. Прелюдия. Яростно замахиваясь, я рисую красную полосу на ее заднице.

Она вскрикивает, ее лодыжки раздвигаются, а голова опускается. Я не даю ей отдохнуть. Моего зверя нужно накормить. Я бью снова, ее агония достигает моих ушей в изысканном крике. Откинувшись назад, я прикладываю еще больше силы к последнему удару, позволив коже ремня пройти немного ниже, образуя полосу на ее нежнейшей плоти. Ее вой зажигает все рецепторы удовольствия в моем мозгу, мой член готов разорвать мои брюки.

Сжимаясь, она переворачивается в позу эмбриона.

– Мы еще не закончили этот урок. – Я указываю на коврик.

Она смотрит на меня из-под занавески ангельских волос, затем отрывается от кровати, ее колени с ужасным стуком ударяются об пол.

Я застегиваю ремень и сажусь перед ней, пока она смотрит в пол.

– Вот так каждую ночь, понимаешь?

Она кивает.

– Ты можешь сделать так, чтобы этого не было. – Я хочу потрогать ее волосы, успокоить ее. Я не должен. – Далила.

Она смотрит вверх, в ее светло-серых глазах блестят слезы.

– Я понимаю.

– Так-то лучше. – Провожу пальцем по красным отметинам на ее щеке.

Интересно, сколько ей нужно самообладания, чтобы не вздрогнуть от моего прикосновения? Ее глаза не отрываются от моих, хотя они не дают мне никакого представления о том, что происходит у нее в душе. Это вовсе не окна, а стальная стена, за которой она прячется. Не то, чтобы я мог ее винить за это.

– Как прошла твоя тренировка рвотного рефлекса сегодня, ягненок?

Она пожимает плечами, ее узкие плечи едва поднимаются.

– Я все еще давлюсь.

Я хватаю ее за подбородок.

– Открой.

Она это делает, и я прижимаю пальцы к ее мягкому языку и к задней части горла. Когда она давится, я отступаю, затем

делаю это снова, и снова, и снова. Слюна течет по ее подбородку.

Я убираю пальцы и просто восхищаюсь ее слегка встрепанным видом – слезящимися глазами и сочным красным ртом.

– Ты лучше, чем вчера. На это потребуется время. Но это необходимо.

– Зачем?

– Вот и снова вопросы. – Я провожу пальцами по пряжке ремня. Она не смотрит вниз, но я знаю, что она видит угрозу. – Кроме того, ты знаешь почему.

– Пророк сказал, что здесь мы будем в безопасности, что мы...

Я ухмыляюсь:

– И вы этому поверили?

Не знаю почему, но у меня такое ощущение, что она играет со мной. Это беспрецедентно, и я не могу сказать, нравится мне это или нет. Я подозреваю, что нравится.

Наклонившись вперед, я хватаю ее за волосы и запрокидываю ее голову назад, сгибая ее позвоночник, так что она смотрит прямо на меня.

– Я думаю, ты знала, что обещания Пророка были ложью. – В моей голове шепчет намек на паранойю. – Ты из полиции?

– Нет.

Я знаю, что это не так. Каждое воскресенье на Службе

присутствует шериф графства вместе с семьей. Но в ней было что-то другое.

– Какой-то репортер? – Я трясу ее, наслаждаясь ее болью.

– Нет.

У Церкви достаточно источников в национальных и местных СМИ, чтобы выяснить, не подослал ли кто-нибудь кро-та. Так что все было не так. Но что?

– Зачем кому-то, кто знал, что на самом деле представляет собой монастырь, добровольно становиться Девой? – Я озвучиваю вопрос, который беспокоит меня с прошлой ночи. Другие мои Девы действительно верили в цирковое шоу моего отца. Но Далила на них не похожа. Тот факт, что я не могу точно определить, что отличает ее, – это шип, который медленно проникает в мой мозг.

– Бог привел меня сюда.

Я отпускаю ее и сажусь.

– Чушь собачья.

Она едва удерживает равновесие, но снова опускается на колени, и эти неземные глаза смотрят на меня.

– Пророк сдержит свои обещания. Я там, где Бог хочет, чтобы я была.

Если бы у нее было хоть какое-то представление о том, что на самом деле Пророк намеревается с ней сделать, она бы не возилась с этой шарадой.

– Какое еще обучение ты прошла сегодня?

– Они сделали... – Ее голос почти дрожит, но она берет

себя в руки. – Клизму.

– Ты знаешь, почему они это делают?

Она качает головой с неподдельным любопытством в глазах. Самая темная часть меня жаждет того, что она почувствует дальше. Шок, отвращение, может быть, даже интерес?

– Когда я возьму твою задницу...

Ее брови опускаются ниже:

– Что?

– Они готовят тебя к тому моменту, когда я решу, что тебе пора почувствовать меня глубоко в своей заднице. – Я получаю слишком много удовольствия от объяснения.

– Но, я думала ... Я девственница, и я думала, что именно поэтому Пророк...

– О, ты все еще будешь чистой после этого. – Я хочу поглотить каждую последнюю каплю отчаяния, через которую она ускользает. – Все еще девственница.

Ее пробирает дрожь, и она скрещивает руки на животе.

– Я никогда не соглашусь.

– Нет? – Я улыбаюсь, возможно, потому, что чувствую, что это ее бесит.

– Ты не можешь меня заставить. В ее глазах вспыхивает огонь.

– Я не могу? – Я хватаю ее за волосы и приподнимаю.

Она вскрикивает, когда я бросаю ее на кровать и накрываю ее тело своим. На четвереньках она пытается увернуться от меня, но не может. Она бьется, когда я скольжу рукой по

ее спине и заднице.

– Видишь? – Я раздвигаю ее ягодицы и просовываю между них свою ладонь.

Все еще сопротивляясь, она кричит:

– Стой!

Я провожу пальцем по ее заднице и прижимаю его к отверстию.

– Я могу делать с тобой все, что захочу, Далила. Я мог бы трахнуть тебя прямо сейчас. Войти в задницу. Укусить твою киску и засунуть язык в эту узкую дырочку. – Я слегка толкаю ее, почти ломая.

– Стой! – Ее крик заглушается одеялом.

Я отталкиваюсь и встаю, а она переворачивается и убегает, вжимается в изголовье кровати.

– Держись от меня подальше! – Она тяжело дышит, ее груди поднимаются и опускаются, розовая краска поднимается по ее шее и щекам. Прекрасно.

– Я не могу. – Я снова ухмыляюсь. – Но на сегодня все.

Когда я закрываю и запираю ее дверь, я чувствую ее рыдания прежде, чем слышу их.

– Где остальные чеки? – Я просматриваю кучу информации на своем столе, которую бросил туда самый тупой курьер, которого мы когда-либо нанимали.

– О, я полагаю, они все еще в машине. – Он поворачивается, его футболка с надписью «Duck Dynasty» еще более

агрессивна со спины.

Как только он выходит из моего офиса, я нажимаю кнопку и включаю плоский экран на стене. Вот она, Далила, сидит на своей кровати и грызет ноготь большого пальца. Она часто этим занимается. Иногда она обнимает колени и раскачивается. Я все это вижу. Раньше я проверял свою Деву не чаще одного раза в месяц. С Далилой я не могу перестать смотреть.

Я напугал ее сегодня вечером. Мне пришлось. Нет, я хотел. Страх в ней походит на запах свежей крови. Я жажду этого.

В мою дверь стучат, и входит Франклин.

Я хмурюсь и выключаю экран телевизора.

– Что ты хочешь?

– Я и мальчишки идем в часовню.

– И?..

Он переминается с ноги на ногу, его лысина блестит от пота.

– Пророк сказал, что мы должны проверить, прежде чем мы сможем...

– Идти. – Я отмахиваюсь от него. – Но не наноси слишком большого ущерба, как в прошлый раз. Это стоит нам денег.

Его улыбка почему-то делает его еще более уродливым.

– Я не буду.

– Отвали. – Я снова включаю экран, пока он спешит по коридору.

Возвращая свое внимание к Далиле, я смотрю на изгиб ее шеи, который исчезает в ее белом платье. Отправят ли ее в часовню? Эта мысль гниет у меня в животе, когда я рассматриваю ее тонкие черты лица.

– Я их получил. – Тупица из «Утиной династии» возвращается с потрепанным блокнотом в руке. – Все записал так, как ты мне сказал.

– Оставь это. – Я указываю на пустое место на покрытой царапинами деревянной поверхности.

Он бросает его туда, затем смотрит в телевизор.

– Она красавица.

– Убирайся! – Я нащупываю пистолет в кобуре под столом и направляю на него. Отказ от этой дрянной жизни будет иметь большое значение для снятия стресса.

– Извини, босс. – Он поднимает руки и пятится. Чем дальше он от меня отходит, тем легче мне становится. Я отпускаю пистолет и усаживаюсь на стул.

Схватив блокнот, я пролистываю его, чтобы проверить, какие суммы он получил от нашего мелкого кассового бизнеса. Нам не нужно много, чтобы прикрыть нашу часть бизнеса по отмыванию денег. Безусловно, самым легким местом для отмывания денег была церковь. Никаких налогов, все наличные, никаких проблем с банками. На этом мы построили свою империю.

Я подсчитываю числа и делаю дополнения в нескольких таблицах. Утомительная работа раздражает меня. Но я не

могу этого избежать. Мой жребий был брошен очень давно. Я почти такая же ловушка, как и моя Дева. При этой мысли я смотрю на экран.

Ярость вытесняет все мои мысли, когда я хватаю пистолет и выбегаю за дверь.

Глава 7

Далила.

Мягкий стук в дверь отвлекает мое внимание от большого пальца, который я грызу вот уже полчаса.

– Это я. – Тихий голос Сестры со шрамом на лбу. Сестра Честити, кажется, так ее зовут.

Я поднимаюсь и иду открыть замок. Дверь распахивается, отбрасывая меня назад. Честити смотрит на меня широко раскрытыми глазами, прежде чем Защитник, который схватил ее, входит в мою комнату, хлопает и запирает за собой дверь.

– Ложись на кровать. – Он мне не знаком – его карие глаза, каштановые волосы и рябая кожа – ничего, что можно было бы вспомнить.

Я пячусь назад, пока моя спина не упирается в стену рядом с ванной.

– Тебе нельзя здесь находиться.

Мой желудок бурлит, тошнота подступает к горлу.

– Я Защитник, сука. Я могу делать все, что хочу. – Он сердито смотрит на меня. – За исключением одной чертовой вещи, которую я хочу больше всего. Но я обойдусь всем остальным.

– Пожалуйста...

Он бросается вперед, хватая меня за волосы и стаскивает

на пол. Я кричу и царапаю его предплечье, пока он тянет меня к кровати.

– Сука. – Он отдергивает руку и бьет меня.

У меня в ушах звенит, но я продолжаю бороться, хватаясь за его руки.

Он снова дает мне пощечину, и на этот раз я чувствую вкус крови. Он дергает за одежду, пытается сорвать с меня платье. Я продолжаю кричать, надеясь, что Честити или даже Старшая прорвутся через дверь. Но они этого не делают. Платье рвется по швам.

– Чертова сука! – кричит он, когда я вцепляюсь ногтями ему в лицо, затем обхватывает меня руками за шею.

Я пытаюсь оторвать его пальцы, но у меня горит горло, слезятся глаза и я не могу дышать. Он садится на меня сверху, его сокрушительный вес только усиливает давление на мое горло.

Я умру вот так. Ненависть в его глазах говорит мне, что так и будет. Я закончу из-за его насилия. Он сжимает сильнее, и я не чувствую ничего, кроме жжения в легких и боли в шее.

Треск выстрела прерывает мою агонию, и он падает на меня.

Его вес исчезает, когда Адам бросает его на пол, затем Адам делает еще один выстрел в его лежащее тело. Не бросив на меня ни единого взгляда, он выходит из комнаты.

– Убери этот беспорядок. – Он выплевывает слова в Стар-

шую, которая появляется прямо за дверью.

Она хмурится, глядя на тело, затем на меня, а затем врывается внутрь.

– Это твоя вина. Ты соблазнила его, блудница, и теперь он мертв из-за тебя.

Я не могу собраться с силами, чтобы возразить ей. Все, что я могу сделать, – это наслаждаться кислородом, возвращающимся в мои легкие. Это то, что случилось с Джорджи-ей? Она умерла от идиотской ярости? Нет, этого не могло быть. Всплывают воспоминания о фотографиях с места преступления – об отметидах, вырезанных на ее теле, о сложной постановке сцены. Ее смерть не была бездумной. Это была хорошо спланированная жертва.

Старшая щелкает пальцами.

– Ты слушаешь, Далила? – Ее голос упал до шепота.

– Да.

– Хорошо. Я ожидаю, что ты вымоешь тело Защитника Ньюэлла и аккуратно положишь его на кровать, когда я вернусь через несколько часов.

– Что? – хриплю я.

– Принимайся за работу. – Она захлопывает за собой дверь, и я остаюсь наедине с мертвым человеком.

Я просто лежу несколько долгих минут, дыша. Я жива. Мое горло опухает, кожа становится горячей на ощупь, когда я осторожно ощупываю повреждение. Мои руки дрожат. Мой мозг пытается собрать воедино то, что произошло,

потому что мои воспоминания беспорядочны. Когда вошел Адам? Сосредоточившись, я шаг за шагом восстанавливаю в памяти цепь событий. Адам появился в конце. Он убил человека, который причинил мне боль. Сцена сложилась, как в кино, где я была всего лишь зрителем – пылинка, лениво плывущая в углу. Адам убил человека, не задумываясь. Но убил ли он за меня?

Мне нужно вдыхать и выдыхать, чтобы избавиться от черных точек, кружащихся перед моим взором. Я прикасаюсь кончиками пальцев к щеке. Они становятся красными. Дымка начинает рассеиваться. Кровать залита кровью, на стене видны багровые полосы вместе с кусками серого вещества.

Я кусаю тыльную сторону ладони, пытаюсь удержаться от рвоты. Это только рассердит Старшую.

Еще один мягкий стук в дверь заставляет меня подпрыгнуть. Я встаю, шатаясь, обхожу ботинки мертвеца и открываю дверь.

Слезы текут по лицу Честити:

– Мне так жаль.

– Это не твоя вина. – Мой голос хриплый, говорить больно.

– Могу ли я войти? – В одной руке у нее сложены полотенца, а в другой – контейнер с хлоркой. – Пожалуйста?

Я киваю и отступаю, когда она ходит и закрывает за собой дверь.

– Я не должна помогать, но Сестра Грейс этого не заме-

тит. – Она тяжело сглатывает. – Я надеюсь.

– Старшую зовут Грейс?

Честити пожимает плечами.

– Пророк дает нам имена. – Встав на колени, она наклоняется над телом. – Давай затащим его в ванну. Мы можем раздеть его там и смыть кровь.

Я хочу ей напомнить, что часть его головы снесло выстрелом, его мозги повсюду, и мы никак не сможем отмыть его от крови. Или я. Вместо этого я присоединяюсь к ней на полу, мои руки все еще трясутся, мое тело становится холодным, и помогаю ей затащить еще теплое тело в ванную. Его кровь сочится на белые плитки, оставляя скользкие следы бойни.

– Ты, кажется, привыкли иметь дело с трупами? – Я с трудом понимаю себя, мое горло издает ужасные щелкающие звуки, когда я говорю.

Честити замирает всего на секунду, затем продолжает работать, не отвечая. Сколько смертей она видела в этом месте? Она видела Джорджию? Жгучее желание знать почти лишает меня осторожности, но я крепко держу рот на замке. Она мне ничего не скажет. Пока у меня не будет больше времени поработать с ней.

– Насчет три. – Она сжимает одну из его рук и движется ко мне, чтобы я взял другую. – Раз два три.

Я тяну так сильно, как могу. Тело падает в ванну, окрашивая поверхность и стену ярким малиновым цветом. Мой живот снова вздрагивает, и даже Честити бледнеет.

Она вытирает руки одним из полотенец и пристально смотрит на меня.

– Теперь нам нужно снять с него одежду.

Я съеживаюсь.

– Мы можем это сделать. – Она протягивает руку и сжимает мое запястье. – Мы должны.

– Ладно. – Я наклоняюсь над ванной и хватаюсь за подол его футболки. Флаг Конфедерации на лицевой стороне стал больше похож на произведение современного искусства, красное просачивается сквозь белые части. Рывком я поднимаю футболку к его груди, его бледная кожа приобретает болезненный оттенок рыбьего живота.

После часа работы мы садимся и смотрим на человека в ванне. Он голый, посиневший, но чистый, если не считать ран на голове и спине. Они больше не кровоточат.

– Это настолько хорошо, насколько мы можем сделать. – Честити встает и кладет руки на бедра, распрямляя спину и вытягивая шею. – Давай положим его на полотенца. Ты можешь принять душ, пока я убираю комнату.

Прежде чем осознать, что происходит, я чувствую слезы на щеках. Во мне внезапно прорывается какая-то плотина. Я уже разваливаюсь, а ведь я пробыла в этом аду всего два дня.

Ее глаза смягчаются, и она прижимает меня к себе:

– Ты выжила. Шшш, сейчас же. Шшш. Ты выжила. Вот что важно. Ты жива. Он мертв. Он никогда больше не причинит вреда ни тебе, ни кому-либо еще. – Честити гладит

меня по спине, медленно и уверенно, а я рыдаю на ее плече.

– Я в беде? – шепчу я.

– Ты? – Она качает головой. – Нет. Но защитник Адам...

Я почти уверена, что последствия будут.

Я не могу думать о нем прямо сейчас. О том, что он сделал, или о причинах этого. Он угрожал мне не более четырех часов назад. Потом он защитил меня. Я думала, что знаю, во что ввязываюсь, когда вызвалась уйти в монастырь.

Я не понимаю. Моя тошнота снова усиливается, я бросаюсь прочь от Честити и извергаю все содержимое своего желудка в унитаз.

Раньше я боялась, зная, что будет дальше.

Теперь я в ужасе.

Глава 8

Далила. Пять лет назад.

– Это платье меня полнит, не так ли? – Джорджия вертится перед зеркалом, ткань развеивается вокруг ее колен.

– Нет. – Я лежу на ее кровати, подперев подбородок руками и болтая ногами. – Ты выглядишь как королева гламура.

– Ой, стой. – Она машет мне рукой. – Нет, продолжай. Скажи мне, какая я милая.

– Вы худшая. – Я кладу голову и смотрю в окно ее спальни. Здесь все такое мягкое – покрывало, ковер, голоса ее родителей. Ничего похожего на мой дом.

– Я бы убила за твои платиновые волосы, понимаешь? – Она садится рядом со мной и проводит пальцами по моим длинным прядям.

Многие люди хвалят мою прическу. Но Джорджия кое-что не договаривает. Конечно, она хочет мои волосы. Но ей не нужна бледная кожа и серые глаза, которые к этому прилагаются. В то время как у Джорджии светлые кудри, загорелая кожа и ярко-голубые глаза, я – призрак девушки. Вот как я думаю о себе. Я чувствую себя черно-белым духом, в то время как мое настоящее «я» – разноцветное, как Дороти над радугой.

– По крайней мере, у меня есть твой нос. – Она указывает на слегка вздернутый кончик. – Мальчики не знают, что их

внимание привлекает нос, когда дело касается таких крошек, как мы.

– Ты бредишь. – Я все еще улыбаюсь. У Джорджии всегда есть способ сделать меня счастливой. Может быть, потому что у нас общий отец. Или, может быть, из-за того, кто она – искрометная королева красоты, которая доброжелательной, но твердой рукой руководит всей старшей школой. Я мечтаю пойти в ее школу и стать ее лучшей подругой. Но я Барнс, и мне не место в этом чистом, ярком мире. Это не значит, что я не могу себе представить, насколько все было бы иначе, если бы у меня был отчим, настолько заботливый, чтобы дать мне свою фамилию, или мать, которой не приходилось работать на трех работах, чтобы оставаться на плаву.

– Девочки, пора в церковь, – кричит мать снизу.

Я встаю с кровати и смотрю на платье, которое Джорджия выбрала для меня – розовое платье А-силуэта, которое, как я уже знаю, свободно свисает на груди.

– Я не могу это носить.

– Ты можешь. – Она плывет к своему шкафу и наклоняется, чтобы вытащить пару белых гольфов.

– В них я буду выглядеть как маленькая девочка. – Я хмурюсь и снимаю с себя длинную ночную рубашку с изображением лица Тейлор Свифт.

Джорджия знает, что я застенчивая, поэтому она смотрит в сторону, когда я поправляю свой едва необходимый бюстгальтер, а затем натягиваю платье через голову.

– Неужели нам действительно нужно ходить в церковь? – Я закатываю глаза, когда мельком вижу себя в ее зеркале в комод. В розовом платье я выгляжу как белый кролик, попавший в слой сладкой ваты.

Она хмурится, затем выражение ее лица становится ярче, как всегда.

– Я поняла. – Она поворачивается и роется в стопке пластиковых ящичков для хранения вещей в шкафу, затем сдергивает белый кардиган с вешалки. – Вот. – она что-то подтягивает у меня на спине.

Внезапно в зеркале появляется настоящий подросток, а не призрачная девочка, которую я привыкла видеть. Платье повторяет мои скромные изгибы и, хотя оно не идеально подогнано по фигуре, это лучшее из того, что я когда-либо носила.

– А теперь ... – она помогает мне с кардиганом. – Отлично!

Я хочу сказать «вау», но у меня перехватывает горло.

Она усмехается и толкает меня, чтобы я упала на кровать, затем встает на колени и надевает мне на ноги слишком большие туфли.

– Ты такая красивая, когда позволяешь мне это делать.

Напряжение исчезает, когда я смотрю на ее ореол золотых кудрей.

– Я не знаю, зачем мне на этот раз наряжаться. Раньше твоих родителей никогда не волновало, что я носила – ну,

кроме того случая, когда они заставили меня сменить футболку «The Kinks».

Она выскакивает и улыбается:

– О, сегодня особый случай.

– Почему? – Я иду за ней в холл, мои лодыжки дрожат, когда мы спускаемся по лестнице.

Она поворачивается, ее большие голубые глаза смотрят на меня.

– Потому что Пророк придет сегодня.

Глава 9

Адам.

Я бросаю рубашку на пол и вхожу в священный круг. Перевернутые кресты, пентаграммы и другие символы приветствуют меня со всех сторон.

Ной идет вдоль круглой стене и зажигает свечи. Отец и его чертова любовь к зрелищам.

– Зачем? – Ной подходит ко мне, его босые ноги нарушают соляной круг.

– Она моя.

– Даже так? – Он хмурится. – Это недостаточно веская причина.

– Ньюэлл был мудаком.

Его грязная кровь на моих руках едва ли тревожит меня. Убить Ньюэлла – самый легкий из моих проступков, возможно, даже знак в мою пользу.

Ноэль указывает на мою голую спину и сетку шрамов, которые там живут.

– Я ненавижу это, черт возьми.

– Он бы ее убил. – Я пожимаю плечами и потягиваюсь, продевая запястья через деревянный крест в центре комнаты.

– Нет, он знал правила. Он бы... – Он качает головой. – Но она была бы жива. И Ньюэлл тоже.

– Черт возьми, Ной! – Я дергаю самозатягивающиеся ограничители. – Иногда нам приходится делать выбор. Я, блядь, сделал это. Я понесу за это наказание. Конец истории. А теперь зажги свечи и наслаждайся представлением.

Я люблю своего брата. Настолько сильно, что мне хочется убить его нахрен. Он был погружен в культуру «Небесного служения» с тех пор, как был слишком молод, чтобы знать что-либо лучше, и это чертовски видно. Зло – это не плохо, когда это все, что вы когда-либо знали. Удобное одеяло, теплое солнышко, любовный поцелуй. Для него все это имеет смысл.

Но я помню время, когда мой отец был просто еще одним проповедником в одной из больших баптистских церквей в Бирмингеме. Я ходил в религиозную школу, вёл почти нормальную жизнь и делал вид, что верю во всю ту чушь, которую извергает мой отец. Со временем он стал главным пастором. И тогда все изменилось. Сила позволила моему отцу проповедовать новое послание. Страх перед приближающимся апокалипсисом, перед необходимостью для конгрегации платить все больше и больше десятины, чтобы поддерживать церковь. Чтобы поддержать его.

Я стряхиваю воспоминания, когда Защитники входят в комнату и встают вокруг меня. Никто из них не выглядит слишком счастливым из-за того, что я убил Ньюэлла. Я ухмыляюсь и надеюсь, что они знают, что я так же скоро сделаю с ними то же самое.

– Сын. – Голос отца проникает в комнату. – Почему ты снова меня разочаровал?

– Я думаю, от старых привычек трудно избавиться. – Я вижу, как Ной вздрагивает от сарказма в моем голосе.

– Думаешь, это шутка? – Мой отец подходит ближе.

– Я думаю, что убил кого-то, кто это заслужил.

– Что ты имеешь в виду? – Он кажется искренне сбитым с толку.

– Я думал, что вы все будете за то, что я сделал, учитывая, что Ньюэлл собирался нарушить вашу заповедь номер один.

– У тебя нет доказательств этого.

Я понимаю, что нет смысла спорить. Я готовлюсь к тому, что будет дальше.

– О, сынок. – Фальшивая тревога в голосе моего отца смехотворна. – Мне это не нравится. Ты знаешь это, не так ли? Но что еще я могу сделать? Ты убил одного из моих благочестивых Защитников. Другого исхода быть не может.

Гул согласия разносится по кругу.

– Просто продолжай.

Он тяжело вздыхает, как будто не с нетерпением ждет крови и боли. Но я слишком хорошо знаю это чудовище, чтобы в это поверить. Это то, чем он живет.

– Как и в рассказе об Аврааме, я должен взять своего собственного сына и положить его на жертвенник Господа. Жертва, чтобы показать мою приверженность Богу. И так же, как у Авраама, у меня болит сердце, когда я привязываю

сына к жертвеннику. – Он двигается и проверяет мои запястья, чтобы убедиться, что они крепко держатся, затем берет хлыст у нахмуренного Ноя. – И я должен быть стойким в своей жертве, ибо, если да, Господь говорит: «Я непременно благословлю тебя и сделаю твоих потомков такими же многочисленными, как звезды на небе и как песок на берегу моря». Ваши потомки завладеют городами своих врагов, и через ваше потомство будут благословлены все народы на земле, потому что вы послушались меня.

Защитники отвечают твердым «аминь», когда мой отец пятится.

Я хочу сказать, что Авраам вообще никогда не приносил в жертву своего сына. Бог помилует сына, а отец не причинит ему вреда. Но эта мысль исчезает с первым ударом кнута. Следуют другие в быстрой последовательности.

Я не плачу, даже когда чувствую, как по спине течет кровь. Мои зубы стиснуты. Возможно, я сломаюсь, поскольку мой отец вкладывает все, что у него есть, в последний удар. В глазах темнеет, но я отказываюсь отключаться, отказываюсь сдаваться.

Он заканчивает, запыхавшись, его голос хрипит.

– Искупление было заплачено за потерю Защитника Нью-Элла.

Еще одно «аминь», и мужчины уходят, проходя мимо, некоторые из них удовлетворенно ухмыляются мне. Несмотря на непреодолимое жжение на моей спине, я хочу бросить-

ся на них. Чтобы уничтожить этих монстров так же, как я уничтожил Ньюэлла. Но эта мысль отрицает очевидное.

В конце концов, я тоже монстр.

Я лежу на боку, глядя на широкий экран телевизора на стене.

Далила сидит в углу своей теперь чистой комнаты. Она раскачивается взад и вперед, ее широко раскрытые глаза смотрят на дверь. Она олицетворение ужаса, который, коснувшись человека, оставляет след.

– Это не самое худшее, что у тебя когда-либо было. – Ной заботится о разрывах на моей коже, ранах, которые заживают и увеличивают рубцовую ткань внутри и снаружи.

Я еще раз затягиваюсь «косяком», задерживая дым в легких, когда Ной заставляет меня сесть и начинает обматывать мое туловище марлей.

Выдыхая, я смотрю, как ее голова медленно опускается к коленям, затем она снова вскакивает, глядя на дверь. Она боится, что я могу войти? Может, еще один Защитник?

Страх для нее – лучшее. Чем раньше она сломается, тем легче мне будет. В прошлом у меня было немало Дев, которые – несмотря на суровую реальность Монастыря – все еще считали, что мой отец был Пророком. Ритуалы помогли с этим представлением. И они не требовали, чтобы я их ломал. Вместо этого они стремились угодить, учиться, стать любимцами Пророка.

В конце концов, все они – истинные верующие и сломленные – все верят, что Пророк благосклонен к ним, что они избраны, что Бог наложил на них Свой знак благоволения. Я пытаюсь представить, что они должны чувствовать, когда оказываются в часовне или в соборе вместо того, чтобы оказаться под рукой политика или одного из миллионеров Юга. Предательство. Я хорошо знаком с этим ощущением.

Ее голова снова склоняется, опираясь на колени.

– Ты никогда раньше не смотрел. – Ной засовывает конец марли в тугие ленты вокруг моей груди.

Я выпускаю еще один клуб дыма, и трава, наконец, дает мне идеальное ощущение мягкого отключения.

– Она другая.

– В чем? – Он проверяет свою работу.

– Я не знаю.

– Она будет проблемой? – Он вынимает «косяк» из моих пальцев и сильно затягивается. – Я имею в виду, больше, чем она уже есть?

– Она попадет в очередь. Мои всегда так делают. Несколько раз мне приходилось ломать Девушек, но я всегда справлялся с этим перед испытаниями, которые начинались через 6 месяцев. Может потому, что я методичный. Может быть, из-за последствий, если я проиграю. Или, что более вероятно, потому что мне это нравится.

– Она выглядит так странно. С волосами и белой кожей. – Ной качает головой.

Я беру пульт. Он не должен смотреть на нее. Это мое. И его критика прорезает сладкую дымку моего кайфа. Нажимаю «выключить экран».

– Обидчивый.

– Отвали. – Я снова ложусь, кровавые линии на моей спине заставляют меня стонать.

– Сколько их... кроме Ньюэлла? – тихо спрашивает Ной.

– Сколько чего? – Я знаю, о чем он спрашивает, но садист во мне хочет услышать, как он это говорит.

– Сколько... ну... людей у вас...

– Убито?

Он морщится.

Я должен что-то почувствовать. Может раскаяние. Но там ничего нет. Меня больше не беспокоит даже пустота.

– По текущим подсчетам – семь. – Я усмехаюсь. – Но всегда есть завтра.

– Бог простит тебя. – Ной тушит «косяк». – Ты сделал все это для Его славы. – Он тяжело сглатывает. – Даже Ньюэлл, поскольку он, возможно, имел намерение осквернить одну из избранных Дев.

Я открываю верхний ящик тумбочки и достаю фляжку с виски. Слепая вера моего брата помогает мне больше, чем даже боль в спине.

– Какой бог? – Я делаю затяжку, жар заливает мне горло. – Тот, что наверху, или тот, что внизу?

– Они оба одно целое. – Он натягивает одеяло мне до та-

лии. – Ты знаешь это. Не может быть света без тьмы. Наш Небесный Отец и наш Отец Огня уже простили тебя. Даже мама считает...

– Откуда ты знаешь, во что она верит?

Он сжимает губы, затем смягчается.

– Я просто предполагаю. – Он вздыхает. – Я не знаю. В любом случае, я уверен, что ты прощен. Дело, даже неправильное, если оно сделано для Небесного Отца или Отца Огня, – праведно.

Я делаю еще один долгий глоток из фляжки. Я не ругаю себя за то, каков Ной. Уже нет. Он слишком увлечен отцовской чушью, слишком сильно верит в него, чтобы я когда-либо его выгнал. Может, я его подвел, а может, так и должно было быть.

– Поспи. – Он убирает фляжку. – Завтра вечером у нас ритуал.

– Я знаю. – Я устраиваюсь на подушке, а он выключает свет. – Теперь начнется настоящая ебля разума.

Ной качает головой:

– Это для...

– Его славы. Да, я слышал это. – Я даже не хочу пытаться его переубедить. Ной слишком далеко зашел, чтобы понять.

Он закрывает дверь, и я хватаю пульт. Экран оживает, и вот она. Волосы феи падают ей на плечи, она спит, свернувшись калачиком. Надеюсь, она мечтает обо мне, даже если это кошмар. Как могло быть иначе?

– Этого не может быть, – говорю я себе. Как сумасшедший.

Она шевелится и поднимает голову, как будто слышит меня. Она не может. Но она поворачивается и смотрит прямо в камеру, на меня, ее глаза светятся в тусклом свете.

– Зачем? – спрашиваю я себя. – Почему я убил ради нее? Почему она другая? Или, как я понимаю, она совсем не другая. Просто я отчаянно хочу чего-то нового.

– Зачем? – спрашиваю я снова, на этот раз более требовательно.

Вижу ли я легкую улыбку на ее губах, вспышку огня в ее взгляде? Я сильно моргаю, и когда открываю глаза, она снова скрывается от меня, ее голова покоится на коленях, ее дыхание медленное и ровное.

Глава 10

Далила.

– Далила. – Когда я стою в очереди на «тренировку», приближается Старшая.

Я поворачиваюсь к ней, опустив глаза и сцепив руки перед собой. Воплощение скромной чистоты, несмотря на то, что я совершенно голая.

Обманчиво легким голосом она говорит:

– Сегодня ты будешь тренироваться со мной.

Она продолжает идти, я выхожу из строя и слеую за ней. Сара бросает на меня обеспокоенный взгляд, но, пока я прохожу мимо, ничего не говорит.

По моему телу пробегают дрожь, когда Head Spinner устремляется к большому деревянному кресту в виде буквы X, подвешенному к потолку.

Она резко останавливается, ее черная юбка скрывает щиколотки.

– Шаг вперед!

Я хочу развернуться и бежать, но выхода нет. Я заставляю свое тело сотрудничать, двигаться вперед, несмотря на паралич страха. Я прохожу мимо нее и встаю перед крестом, затем поднимаю руки.

– Повернись.

Я поворачиваюсь и смотрю в комнату: девушки находятся

на разных стадиях тренировки – одни с фаллоимитаторами во рту, другие на четвереньках с затычками в задницах, третьи на скамейках, их ноги сжаты, Сестры straponами трахают их в рот. Одна из Сестер измеряет фаллоимитаторы разного размера с помощью металлической линейки, которую она также использует, чтобы дисциплинировать любую Деву, которая, по ее мнению, не уделяет должного внимания.

Старшая тянется вверх и пристегивает сначала мое правое запястье, а затем и левое, туго затягивая кожаные крепления. Она на мгновение останавливается, чтобы осмотреть синяк на моей шее, затем отступает.

Я шевелю пальцами, кровообращение в них уже замедляется. Они немеют через несколько минут, и, может быть, это будет хорошо.

Внизу креста есть кожаные манжеты для моих лодыжек, но она их не застегивает. Я вздыхаю с облегчением. Если бы она раздвинула мне ноги и оставила меня полностью открытой, ужас, возможно, настиг бы меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.